

что когда она находится въ такомъ состоянїи, то лучше бы ее держать дома.

— Это срамъ, сэръ,—отрѣзалъ другой джентльменъ, задѣтый такой иронїей:—чистый срамъ!

— Да! это мало дѣлаетъ чести вашему гусю!—согласился дядя Соломонъ, нарочно переиначивая смыслъ словъ своего собесѣда!—Часто это съ нимъ случается?

— Бѣдная гусыня,—пропѣла дѣвочка, появляясь у отверстія въ заборѣ:—какая она странная; крестный, она вѣрно больна?

— Уходи отсюда, Долли,—отвѣчалъ м-ръ Гомпеджъ:—тебѣ не годится на это смотрѣть; уходи поскорѣй.

— Ну, тогда и Фрискъ не долженъ смотрѣть; пойдемъ, Фрискъ,—и Долли снова исчезла.

Когда она ушла, старый джентльменъ сказалъ съ угрожающей улыбкой, выказавшей всѣ его зубы:

— Ну-съ, м-ръ Лайтовлеръ, я вамъ, вѣроятно, обязанъ за то ужасное состоянїе, въ какомъ находится эта птица?

— Кто-нибудь да ее напоилъ, это вѣрно,—отвѣчалъ тотъ, глядя на птицу, слабо пытавшуюся распушить крылья и презрительно загоготать надъ міромъ.

— Не отдѣлывайтесь словами, сэръ; развѣ я не вижу, что въ вашемъ саду положили отраву для этой несчастной птицы?

— Успокойтесь, м-ръ Гомпеджъ, ядъ этотъ не что иное, какъ мой старый коньякъ,—отвѣчалъ м-ръ Лайтовлеръ:—и позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что рѣдкому человѣку, не то, что какому-нибудь гусю, удастся отвѣдать его. Мой садовникъ, должно быть, полилъ имъ нѣкоторыя растенія... ради земледѣльческихъ дѣлей, а ваша птица пролѣзла въ дыру (про которую вы, быть можетъ, припомните, я вамъ говорилъ) и немножко слишкомъ понабралась имъ. На здоровье, только ужъ не сердитесь на меня, если у нея завтра будетъ болѣть голова.

Въ этотъ моментъ Маркъ не могъ удержаться, чтобы не взглянуть на хорошенькое личико, виднѣвшееся по ту сторону забора. Не смотря на свою женскую жалостливость и уваженіе къ владѣльцу птицы, Мабель не могла не сознавать негѣности этой сцены между двумя старыми разсерженными джентльменами, перебранивавшимися черезъ заборъ изъ-за пьяной птицы. Маркъ увидѣлъ, что ей хотѣлось смѣяться, и ея темносѣрые глаза на минуту встрѣтились съ его глазами и сказали, что она его понимаетъ. То была точно электрическая искра, затѣмъ она отвернулась, слегка покраснѣвъ.

— Я ухожу, дядя Антони,—сказала она,—приходите и вы